

Демон и Пророк

В залах Третьяковской галереи на Крымском валу проходит выставка произведений Михаила Врубеля

Врубеля в России любят почти так же, как Сальвадора Дали. Назвать любимым художником безумного испанца — значит автоматически зачислить себя в круг умных людей с утонченным вкусом. Попытаться понять Врубеля — значит погрузиться в неразрешимую загадку живописи. А всякая тайна — источник интереса. Конечно, едва ли кто-то будет спекулировать билетами на выставку русского художника, как это было во время в общем-то второсортного шоу великого сюрреалиста. Но особенная аура гениального толкователя реального и нереального, сделавшая славу Дали, в равной степени окружает и творчество Михаила Врубеля.

Дали нарочито грубо вскрывал то, что принято называть бессознательным и перверсивным. Врубель, кажется, нарочно пытался утопить невысказанное в глубине пластических экспериментов. Полотна эксцентричного Дали интересно рассматривать, пытаясь связать в единое зашифрованное сообщение мельчайшие, вроде бы случайные детали. Картины Врубеля требуют сопереживания, в процессе которого романтическая сдержанность открывается в болезненно-острую исповедь.

Еще в самых первых живописных опытах и эскизах (например, из итальянского путешествия) проявился фантастический талант Врубеля-рисовальщика. Он изначально не испытывал затруднений в постижении и отображении формы, с годами оттачивая свое видение прекрасного как романтического, не переставая при этом осваивать все новые изобразительные техники.

Врубель, несмотря на непохожесть его работ на творения современников, ни в коем случае не был авангардистом. Эксперимент, позволяющий добиться наивысшей степени экспрессии, поиск новых форм, бывших, как он полагал, «главнейшим содержанием пластики», — вот что его всегда интересовало. Предприниматель и меценат Савва Морозов назначил его главой керамической мастерской в Абрамцево, и художник усердно экспериментировал с цветом и материалом, оформляя печи, камин, скульптуры, блюда. Майолики «Ассириец», «Садко» и «Берендей», керамический футляр для часов «Будда», грандиозный камин «Микула Селянинович и Волга». Текучесть цвета майолик стала для художника ключом цветового решения живописи и графики.

«Поупражнявшись» на станковых полотнах, Врубель обратился к декоративным панно и украшению особняков. Здесь, как и во многих других начинаниях, его покровителем и заказчиком выступал Морозов, которому он оформил «готический кабинет». Его портрет кисти Врубеля, на котором вроде бы преуспевающий человек показан внутренне напряженным и обреченным, оказался в какой-то мере пророчеством: в будущем Морозова ждали большие коммерческие неудачи.

Вместе с В.М.Васнецовым, В.Д.Поленовым и К.А.Коровиным Врубель оформлял различные спектакли, и их открытия в области театральной живописи,

М.Врубель. Гамлет и Офелия. Эскиз. 1883 год.

сделанные в 90-х годах XIX века, во многом предвосхитили те формы, которые получили всеобщее признание уже в начале XX века благодаря работам художников «Мира искусства». Поэтому совсем неудивительно, что Дягилев чрезвычайно высоко ценил талант Врубеля и посвятил художнику два номера своего журнала.

На протяжении всей творческой жизни, рисуя портреты, натюрморты, панно, даже расписывая храм в Киеве, Врубель постоянно возвращался к отображению на холсте своих сокровенных внутренних переживаний. Иногда создается ощущение, что в нем происходила «невидимая брань» с какими-то потусторонними силами, и битва эта выплескивалась пронзительными образами на картины. Демон, Фауст, Пан, опять Демон, уже поверженный, шестикрылый Серафим и, наконец, Пророк.

В 1902 году известный психиатр Бехтерев нашел Врубеля душевнобольным и пришел к выводу, что болезнь неизлечима. С этого момента художник подолгу лечился в разных клиниках, жил на даче, а с 1906 года и до самой смерти в 1910 году постоянно находился под наблюдением врачей. Видимо, темные силы, которых Врубель пытался растворить в своих красках, слишком высоко ценили его талант и пытались втянуть в ту самую игру, жертвой которой стал один из любимых героев художника — Фауст. Но его многочисленные больничные зарисовки и последняя завершенная картина — портрет В.Брюсова, которого художник считал лучшим современным поэтом, — показывают совершенную чистоту и проникновенность восприятия, душевное равновесие и непотревоженный почерк мастера.

Михаил Врубель, чувствуя себя то Демоном, то Пророком, пытался скрыть внутренние переживания в бездонных глазах демонов и окутывающем аромате сирени. Может быть, он делал это неосознанно. В отличие от нынешних кумиров — Шилова и Глазунова, которые рисуют то, что называется национальной правдой, Врубель продолжает дарить зрителям просто свое понимание красоты, в котором каждый может обнаружить что-то для себя. И, пожалуй, самым адекватным созерцателем врубелевских картин на выставке в Третьяковке был мальчик, который, сидя на коленях, перерисовывал «Микулу Селяниновича» на альбомный листок

Леонид ПОРТНОВ.